

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК [94:327] (470–89+485)“1615/1618”

ПОРХОВ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ (1615–1618 ГОДЫ)

Я.Н. Рабинович

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Работа Я.Н. Рабиновича посвящена одной из малоизученных страниц Смутного времени на Русском Севере. В статье исследуется судьба одного из малых городов России, оказавшегося в эпицентре событий, связанных с борьбой Пскова против Новгорода и шведских интервентов. Подробно рассмотрена запутанная хронология событий Смуты в районе Порхова. Автор исследует события 1615 г., связанные с попытками шведов захватить Псков, выясняет роль Порхова, как тыловой базы шведов. Также рассматривается дальнейшая судьба Порхова, вплоть до 1617 г., когда по условиям Столбовского мира крепость была возвращена шведами Русскому государству.

Ключевые слова: столбовский договор, Эверт Горн, Иван Мещерский, Геннинг Грасс, Порховский уезд, Архив Делагарди, Псков, Герман Андреевич Замятин, шведский король, Видекинд, Смутное время.

Porhov on the Last Stage of the Time of Troubles (1615–1618)

Y.N. Rabinovich

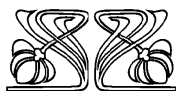
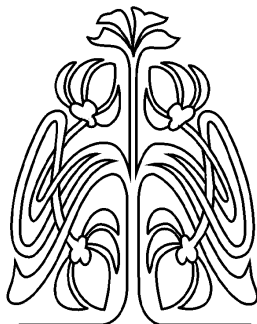
The article by Y.N. Rabinovich is dedicated to that period in the Time of Troubles in the Russian North which hadn't been studied in detail by other historians. The article regards the destiny of one of the small towns of Russia, which was involved into the flood of events, related to the struggle of Pskov against Novgorod and the Swedish interventionists. The tangled chronology of the Times of Troubles in the district of Porkhov is studied thoroughly. The author regards the events of 1615, related to the attempts of the Swedes to conquer Pskov, clarifies the role of Porhov as a base of the Swedes. The following history of Porhov is also tracked down up to 1617, when the fortress was returned to the Swedes by the Russian state according to Stolbovsky agreement.

Key words: the Stolbov agreement, Evert Horn, Ivan Mestchersky, Genning Grass, Porkhov uyezd, Delagardi's archives, Pskov, German Andreevich Zamyatin, the king of Sweden, Videkind, the Time of Troubles.

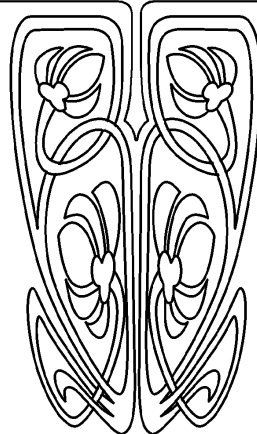
В конце февраля 1609 г. Василий Шуйский для борьбы с Лжедмитрием II заключил союзный договор со Швецией¹. В течение 1609 – начале 1610 г. союзному русско-шведскому войску Михаила Васильевича Скопина-Шуйского и Якова Делагарди удалось освободить северные и замосковные города от тушинцев². В марте 1610 г. русско-шведские войска торжественно вошли в Москву. Ближайшей задачей становится деблокада Смоленска, осажденного поляками. Но через месяц, в апреле 1610 г., Скопин-Шуйский умирает, а 24 июня 1610 г. русско-шведское войско потерпело тяжелое поражение от поляков при Клушино³, после чего Яков Делагарди дал слово польскому гетману Жолкевскому разорвать союз с царем Василием и отступил к Новгороду.

Все дальнейшие действия бывших союзников следует расценивать как начало шведской интервенции на северо-западе Русского государства. При этом Делагарди действовал в соответствии с инструкциями шведского короля, который еще 30 июня 1609 г. дал прямые указания своему военачальнику занять крепости на северо-западе России⁴.

Обстановка в России благоприятствовала осуществлению захватнических планов шведов. В это время главные события происходили

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

под Москвой, где жители в августе 1610 г. присягнули польскому королевичу Владиславу, в город был введен польский гарнизон. После неудачного восстания в Москве против поляков (март 1611 г.) все усилия русских людей были направлены на освобождение столицы от польских захватчиков. С этой целью лидер Подмосковского ополчения Ляпунов в 1611 г. и руководители Нижегородского ополчения Минин и Пожарский в 1612 г. вступили в союзные отношения со шведами⁵.

Уже летом 1610 г. шведские войска под руководством Якова Делагарди, «видя в Московском государстве такое нестроение», приступили к планомерному захвату Новгородской земли. В течение 1610–1612 гг. шведы оккупировали не только Новгород, но и ряд русских городов: Старую Ладугу, Тихвин, Старую Русу, Орешек, Порхов, Ям, Копорье, Гдов, Ивангород, «и во всех посадиша воевод немецких»⁶. Воеводой в Порхове в это время стал Бургиньон де Коробелл (de Corobell, Jacob Bourgia), француз, служивший ротмистром у шведов. В подчинении Коробелла находился русский воевода Иван Афанасьевич Мещерский с небольшим отрядом стрельцов и детей боярских.

После захвата Новгорода (16.7.1611 г.) между Делагарди и правителями Новгорода (митрополит Исидор и воевода И.Н. Одоевский) 25 июля 1611 г. было заключено соглашение⁷. Новгородцы признали покровительство шведского короля Карла IX, вступили с ним в союз против Польши и гарантировали избрание на русский трон одного из его сыновей. До ратификации договора обеими сторонами (Швецией и Россией) Делагарди оставался в Новгороде в качестве главного воеводы. Союз новгородских воевод со шведами против «воров», впервые заключенный в 1609 г. в Выборге, по существу восстановился⁸. Вместе с отрядами новгородцев шведы вели борьбу с Лжедмитрием III (Псковским вором Сидоркой) и предпринимали неудачную попытку захватить Псков⁹. В союзе с лидерами Нижегородского ополчения шведы и новгородцы весной-летом 1612 г. разгромили казаков Псковского вора Сидорки. К концу лета 1612 г. в Новгородской земле, в частности, в Порховском уезде Шелонской пятины, установилось относительное спокойствие. Между предводителями Нижегородского ополчения, занятыми освобождением Москвы от поляков, а в дальнейшем – избранием нового царя, и правительством Делагарди – Одоевского были налажены дружеские отношения.

Весной 1613 г., сразу же после избрания царем Михаила Романова, в пограничные районы Новгородской земли были отправлены из-под Москвы отряды русских войск, прежде всего казаков Подмосковского ополчения, которые начали военные действия против шведов и новгородцев. Правительство Михаила Романова не было намерено мириться с потерей Новгорода. Оплотом нового московского правительства в

Новгородской земле становятся Псков, который так и не подчинился шведам, и Тихвин, жители которого первыми восстали 25 мая 1613 г. против чужеземцев. Летом 1613 г. восстания произошли также в Гдове и Порхове, при этом большую помощь восставшим оказал Псков¹⁰. Шведский гарнизон Коробелла сумел удержать в своих руках Порховскую крепость, а в дальнейшем псковичи вынуждены были отступить от города. Однако все попытки шведов установить контроль над Псковом и Тихвином завершились неудачей.

Шведский король Густав Адольф после захвата Гдова в сентябре 1614 г. планировал начать наступление на Псков, не без основания полагая, что москвичи, потеряв такую важную крепость, сразу согласятся на продиктованные им шведские условия мира, в котором Швеция нуждалась не меньше, чем Россия. В этой борьбе за Псков важная роль отводилась Порховской крепости как главной тыловой базе шведов.

Осенью 1614 г., после отъезда Якова Делагарди в годовой отпуск в Швецию, власть в Новгородской земле сосредоточил в своих руках Эверт Горн. Прибыв в декабре того же года в Новгород, Эверт Горн сразу разворачивает кипучую деятельность, действуя в нескольких направлениях. Еще накануне своего приезда в Новгород Э. Горн отправил грамоту в Москву, предлагая начать переговоры о мире¹¹. Одновременно Э. Горн пытается принудить новгородцев к присяге королю. Однако предложение унии со Швецией было решительно отвергнуто новгородцами¹². Э. Горн готовит к отправке в Москву посольство новгородцев во главе с архимандритом Киприаном¹³.

Выполняя указания Густава Адольфа, Э. Горн в январе 1615 г. предпринимает очередную попытку захвата Пскова¹⁴. Перед этим шведы пытались создать в Пскове свою агентурную сеть, и это им удалось. Шведские воеводы посылали лазутчиков в Псков, чтобы знать о состоянии дел в непокорном городе. Для этого использовались некоторые жители Порхова, которые ездили в Псков под видом торговцев. Товар им выдавали шведские начальники из числа конфискованных вещей, хранившихся в Порховской крепости. Сведения об этом содержатся в отписке порховского воеводы при шведах Ивана Афанасьевича Мещерского¹⁵.

За два дня до отправки посольства Киприана в Москву, т.е. в середине января 1615 г., Э. Горн совершил короткую поездку в Порхов. При этом Горн взял с собой почти весь личный состав новгородского гарнизона. Легенда о том, будто в Новгороде невозможно прокормить войска, никого не ввела в заблуждение. Еще 31 декабря 1614 г. псковские воеводы узнали от выходца из Новгорода Матвея Евреева о приготовлениях к походу Э. Горна под Псков, о сборе в Новгороде шведских отрядов из разных острожков, о сосредоточении в Порхове крупных запасов для целого войска¹⁶.

Второй перебежчик, Степан Воронов, 18 января 1615 г. сообщал уже более подробные сведения о численности вражеского войска, выступившего из Порхова. В состав этого войска входили шведы, запорожские казаки (черкасы), поступившие на службу к шведскому королю, и новгородцы. Степан Воронов сообщил также о планах шведов в случае неудачи штурма начать длительную блокаду Пскова. Порховский воевода Иван Мещерский также участвовал в этом походе. Припасы из Порхова везли следом за войском. Данные о численности войск, выступивших из Порхова к Пскову, несколько завышены¹⁷.

Первые шведские отряды Роберта Мюра и Пауля Готтберга прибыли из-под Порхова к Пскову примерно 20 января. О составе этих войск, а также о пребывании Эверта Горна в середине января в Порхове сообщил псковским воеводам вышедший на «государево имя» 24-го января 1615 г. «литвин Индрик Брезнинский». По рассказу Брезнинского, «Ивер де Горн остался в Порхове, а с ним немецких людей в Порхове осталось конных и пеших с пятьсот человек; а для чего остался, про то де он не ведает»¹⁸.

Посол от московских бояр в Новгород Яков Епанчин рассказывал по возвращении в Москву в феврале 1615 г., что его, по прибытию из Осташкова в Старую Русу, «рохмистр Лаврентей Иванов из Старой Русы послал в Порхов с немцы к Ивер Горну». Но Эверта Горна в Порхове уже не было. В Новгороде Я. Епанчин узнал, что «Ивер Горн был под Псковом и его побили»¹⁹.

Из дальнейшего рассказа Я. Епанчина выясняется, что Эверт Горн рассчитывал на измену в Пскове. Сторонники шведов («десять псковских мужиков») должны были взорвать крепостную стену. По-видимому, это были те самые лазутчики, которых посылали ранее из Порхова с товарами. Однако эта операция не была выполнена в полном объеме. К моменту прибытия шведского войска псковичи успели заделать пролом в стене²⁰.

Эта новая попытка шведов в январе 1615 г. изгоном захватить Псков также не удалась, как и предыдущие, в 1611 и 1612 гг. Г.А. Замятин писал: «В исторической литературе об этой попытке шведов захватить Псков (3-й по счету) я не нахожу ни слова»²¹. Оставив часть сил для блокады Пскова, Э. Горн быстро вернулся в Новгород. Между 25 и 27 января 1615 г. он уже принимал в Новгороде гонца из Москвы Якова Епанчина²².

Гарнизон Порхова во главе со шведским комендантом Геннингом Грассом пережил зиму 1614–1615 гг. благополучно. Юхан Видекинд сообщает об этом, сравнивая обстановку в Новгороде и Порхове²³.

Воевода Порхова И.А. Мещерский вскоре после зимнего похода к Пскову вернулся в свой город. Однако уже летом 1615 г. он вновь оказался под Псковом. Теперь главные силы шведов во главе с самим королем Густавом Адольфом двигались к Пскову со стороны Нарвы, а Эверт Горн

шел из Новгорода через Порхов на соединение с королевским войском. В Порхове вновь, как и зимой 1615 г., в качестве гарнизона остался для охраны крепости небольшой отряд коменданта крепости Геннинга Грасса.

Грандиозный поход шведов к Пскову летом-осенью 1615 г. под личным руководством короля Густава Адольфа завершился провалом, как и все предыдущие. Отступившим от Пскова шведам ничего другого не оставалось делать, как вступить в переговоры о мире, к тому же при значительно ослабленных позициях Швеции²⁴. Король и канцлер Оксеншерн в секретных указаниях своим комиссарам (от 14 ноября 1615 г.)²⁵ определили те границы уступок, на которые могли пойти шведы. Героизм защитников Пскова в 1615 г. сохранил для России Новгород, Старую Руссу и Порхов. Что касается Ладоги и Гдова, то здесь еще предстояла длительная борьба военных и дипломатов.

Голландский посол Альберт Иоахими, находившийся в шведском лагере под Псковом в последние дни осады крепости, 25 октября 1615 г. отправился к месту предполагаемых переговоров в Старую Руссу в сопровождении крупного отряда для охраны. По пути он посетил Порхов и оставил интересные воспоминания о состоянии крепости и ее окружении²⁶. Посол пишет о трудностях в обеспечении лошадьми и повозками. Здесь ему большую помощь оказал Иван Мещерский, «соградоначальник Порхова», который сопровождал посла по дороге из Пскова в Порхов²⁷. Посла охранял от нападений сторонников Москвы большой отряд шведов и новгородцев.

Из письма голландского посла мы узнаем о действиях партизан (казаков и крестьян-шишей), которые в Порховском уезде представляли серьезную угрозу для шведов и их союзников²⁸. Посол почувствовал себя в безопасности только возле самой Порховской крепости. Он также пишет о том, что гать в миле от Порхова была неисправна. Возможно, это тоже дело рук партизан.

29 октября 1615 г. А. Иоахими прибыл в Порхов, «маленький городок с каменными стенами». Он пишет: «Город населен русскими, кроме гарнизона, который содержится королем шведским под командой немецкого губернатора. Прежде в нем было значительное укрепление, где жило много купцов и крестьян, ибо окружающие его поля весьма приятны и плодородны». «Значительное укрепление» – это острог, сгоревший во время осады крепости псковичами в 1613 г. Воевода Мещерский прислал через своего сына послу водку и хлеб²⁹. Далее посол описывает свой визит домой к Мещерскому и говорит о том, как хозяйка дома принимала и провожала посла³⁰. Эти русские обычаи поразили голландца.

1 ноября 1615 г. посол отправился из Порхова в Старую Руссу. Он пишет, что «оба градоначальника, Мещерский и барон Лаврентий Грасс проводили меня со многими дворянами и

боярами на полмили за город». Посол жалеет, что дальше к Старой Руссе его сопровождал конвой значительно меньше прежнего³¹. Далее посол рассказывает о зверствах партизан-шишей в этой местности «на этой неделе»³². Но для голландского посла все обошлось без происшествий, и 5 ноября 1615 г. Иоахими прибыл в Старую Руссу, где произошла его встреча с другими послами. Отсюда послы направились к месту переговоров в село Дедерино.

Шведские послы еще накануне этих переговоров в Дедерино писали королю о невозможности далее «удерживать Новгород, Старую Руссу и Порхов и продовольствовать на них войска и гарнизоны»³³. В дальнейшем король согласился с мнением своих послов, поэтому вопрос о судьбе Порхова решился относительно быстро. Уже к моменту завершения Дедеринских переговоров (февраль 1616 г.) шведы соглашались уступить Новгород, Старую Русу и Порхов, а также не упоминать о кандидатуре шведского королевича как кандидата на московский престол. Труднее решался вопрос о Ладоге и Гдове, которые шведы требовали оставить в качестве залога, а также о размерах контрибуции. Русские послы соглашались уступить шведам только крепость Корелу с уездом. В итоге было заключено перемирие до 1 июня 1616 г.³⁴

Однако во время этого перемирия обстановка для жителей Порховского уезда не была спокойной. В архиве Делагарди в Тарту сохранилось ответное письмо псковских воевод И.Д. Плещеева, С.С. Собакина и дьяка Ч. Оботурова к порховскому коменданту Геннингу Грассу от апреля 1616 г. Комендант Порхова Геннинг Грасс в апреле 1616 г. жаловался псковским воеводам, что Иван Косицкий со своими людьми из Пскова совершает набеги к Порхову «... и ходя ворует, православных крестьян мучает, побивает и грабит»³⁵. Интересен ответ псковских воевод, которые сообщают, что эти разбойники уже давно живут на шведской территории («Косицкий из Опочки сошел в Порховский уезд 1 марта»), им, воеводам, известно от самих порховцев об этих набегах. Воеводы рекомендуют Геннингу Грассу: «И вам бы велети тех воров имать и казнить».

Со своей стороны псковские воеводы пишут: «Мы велим тем ворах по сыску наказание учинить за их воровство, не для твоего письма, но чтоб иным ворах неповадно было воровать и государя нашего, его царского величества земли пустошить и крестьян побивать и грабить»³⁶, т.е. псковские воеводы пишут о Порхове как о своей земле. Для того чтобы эта земля, которая должна вскоре отойти к Москве, не подвергалась разорению, воеводы согласны действовать заодно со шведами. Здесь также содержится намек на то, что шведам не следует обижать местных жителей и грабить перед уходом (по принципу «после нас хоть потоп»). Одновременно воеводы выражают неудовольствие Геннингу Грассу за нарушение в

написании царского титула: «Нам таких листов не пригоже и принимать, но только принимали для покоя крестьянского, а в дальнейшем велим ваши листы отсылать к вам»³⁷.

Сведения о переписке Геннинга Грасса с псковскими жителями о перемирии сохранились также в РГАДА. Об этих переговорах о перемирии между псковичами и «немецкими державцами Гдова и Порхова» сообщили боярам в Москве псковские посадские люди, прибывшие в столицу в июне 1616 г.³⁸. Дополнительная информация о перемирии псковичей с наместниками Гдова и Порхова Сванте Баннером и Геннингом Грассом и о враждебных действиях между сторонами содержится в июльской отписке Ивана Плещеева к Сванте Баннеру и в ответе последнего псковичам от 24 июля 1616 г. Оба документа в переводе на немецкий язык сохранились в архиве Делагарди в Тарту. Геннинг Грасс и Сванте Баннер еще раньше писали Плещееву, чтобы тот не посылал ратных людей и не допускал грабежей и кровопролития, пока не будет установлен прочный мир между государствами. Воеводы Пскова строго запретили своим ратным людям причинять шведским поданным какой-либо ущерб в надежде, что шведы будут верны своему слову и также не станут производить бесчинств. Однако на деле произошло иное. Описывая неприязненные действия шведов из Гдовского уезда и на Псковском озере по отношению к псковичам, И.Д. Плещеев ничего не пишет о нарушении перемирия порховским воеводой³⁹.

Летом 1616 г. боевые действия возобновились. Шведский военачальник Карл Гюлленгейм пытался в очередной раз овладеть Псковом⁴⁰. Основные свои силы шведы направили к Пскову со стороны Нарвы и Гдова. В то же время источники ничего не сообщают об активизации боевых действий со стороны Новгорода и Порхова. Складывается впечатление, что комендант Порхова продолжал соблюдать условия перемирия, сам не нападал на Псков и пресекал попытки псковских казаков грабить порховские земли. Возможно, такими своими действиями Геннинг Грасс заслужил уважение местных жителей Порховского уезда. Не с этим ли связан один странный документ 1617 г., который по-иному заставляет взглянуть на деятельность последнего шведского коменданта в Порхове⁴¹?

В архиве Делагарди в Тарту сохранилось донесение священников, старост и волостных людей трех погостов Порховского уезда (Карачунского, Болчинского и Ясенского) на имя Якова Делагарди. Этот документ был написан в тот момент, когда Столбовский мир уже был заключен и происходила процедура передачи Порхова московским представителям (конец марта 1617 г.), так что особого давления шведов на подписавших этот документ русских людей не могло быть (если только эти русские люди не собирались уезжать жить вместе с «любимым комендантом» к нему в Ревель).

В этом документе скрупулезно перечисляются все налоги, которые русские люди платили Геннингу Грасу в течение полутора лет (с 11 октября 1615 г. по 20 марта 1617 г.). Всего с трех перечисленных погостов выплачено около 500 рублей, примерно 260 четвертей ржи, 20 четвертей ячменя и 78 четвертей овса. Деньги и корма жители поставляли регулярно, помесечно. Далее в этом же документе подписавшие его три попа, три дьячка, три старосты и девять волостных людей расхваливают поведение воеводы Геннинга Грасса в период его правления в Порхове. По их словам, воевода ничего лишнего с них не брал, защищал жителей от грабежей⁴².

Возможно, комендант Г. Грасс просил прислать в Порхов продовольствие, чтобы не разорять до конца местных жителей. В одном из писем Якова Делагарди Геннингу Грассу 1616 г., которое было перехвачено партизанами под Порховом и отправлено в Москву, шведский военачальник сообщал, что он не может удовлетворить просьбу Г. Грасса о снабжении Порховского гарнизона провиантом, так как в Новгороде в нем нуждаются еще больше⁴³.

Катастрофа шведского войска Карла Гюлленгейма под Псковом в декабре 1616 г. ускорила подписание Столбовского договора на условиях более выгодных для русской стороны, чем рассчитывали сами русские к моменту начала переговоров в Столбово. Это известие о капитуляции шведов в устье реки Великой (шанец в Устье, где в настоящее время находится церковь Николы) и о взятии псковичами шведского наряда привез в Столбово 7 января 1617 г. новгородский сын боярский Докучай Харламов. По его словам, он был отпущен из Пскова 27 декабря 1616 г.; ехал он «на Дубровку, да на Порхов, да на Новгород». Таким образом, жители Порхова в последние дни декабря первыми узнали о победе под Псковом.

27 февраля 1617 г. был подписан «великими послами» первый в царствование Михаила Романова договор о вечном мире. Полный текст Столбовского договора был опубликован в ПСЗ, у Н.П. Лыжина, Юхана Видекинда⁴⁴. Главная цель – возвращение Новгорода с уездом – была достигнута. Шведы обязаны были уже через две недели очистить Новгород, Старую Русу, Порхов с их уездами и Сумерскую волость. В четвертой статье Столбовского договора говорилось, что при уходе из городов, в том числе из Порхова, шведы обязывались «никаких русских людей не выводить, насильства им и грабежа не чинить и наряду не вывозить»⁴⁵.

Особых споров между русской и шведской сторонами по поводу возвращения Порхова не было. Видекинд пишет, что Яков Делагарди дал указания Карлу Гюлленгейму, «чтобы тот без задержек и препятствий согласно условиям договора в течение 14 дней сдал уполномоченным Великому князю Новгород, Старую Русу и Порхов и следил, чтобы солдаты не чинили русским ни-

каких насилий, грабежа или оскорблений, чтобы освобождение занятых мест прошло спокойно и в полном порядке. Так все это произошло в марте месяце»⁴⁶. Шведский историк ничего не пишет о конфликте из-за пушек и колоколов в ряде русских городов, в том числе и в Порхове.

В десятой статье Столбовского мирного договора говорилось, что пушки, воинский запас, колокола и все другое, что было вывезено шведами до 20 ноября 1616 г., остается за ними. Но тот наряд, который все еще находился в городах, возвращаемых царю, там и должен оставаться⁴⁷. В данной статье уже заложен конфликт из-за пушек и колоколов, которые шведы начнут экстренно вывозить с 20 ноября 1616 г. и до середины марта 1617 г., когда в эти крепости придут русские послы⁴⁸.

Прибыв в Порхов, московские представители выяснили, что из города в декабре 1616 г. вывезено по указанию Геннинга Грасса несколько колоколов и две пушки⁴⁹. Этот вопрос о порховских пушках и колоколах также поднимался русскими послами в 1618 г. в Стокгольме при ратификации Столбовского договора⁵⁰.

Сейчас трудно восстановить, как проходила передача Порхова московским представителям в марте 1617 г. Можно предположить, что некоторые наиболее уважаемые жители Порховского уезда были 13 марта в Новгороде на торжественной встрече московских послов. Порховчане уже знали из грамоты, которую привезли незадолго до этого послы, о царских словах: «Мы великий Новгород от неверных для того освободили, чтобы вас всех православных христиан видеть в нашем царском жалованье по-прежнему, а не для того, чтоб наши царские опалы на кого-нибудь класть»⁵¹.

В Псковской летописи кратко подведен итог Столбовского мира: «Немцы с Государем помирились и отдаша города Новгород, и Порхов, и Ладогоу»⁵².

Как же сложилась судьба порховского воеводы Ивана Афанасьевича Мещерского? В соответствии с грамотой Михаила Федоровича о прощении всех, служивших шведам, он также не был наказан. Правительство действовало разумно. Большинство русских воевод, которые служили шведам и воевали против Михаила Романова, были отправлены (на всякий случай) воеводами в дальние волжские и сибирские города. Многие дворяне и дети боярские сразу же направлялись на борьбу против поляков. Королевич Владислав уже начал поход на Москву, поэтому московским боярам нужны были все воины. Бывшие новгородские сторонники шведов не испытывали никакого угрызения совести, воюя против Польши (общего врага их прежних хозяев – шведов, и нынешних хозяев – московских бояр). В декабре 1617 г. в поход под крепость Белую, которую осаждали поляки, был назначен идти из Москвы «Иван князь Офанасьев сын Мещерский». Сохранился и наказ от 9 декабря, который получил И.А. Мещерский.

Однако этот поход фактически не состоялся. Прибыв в Торопец, И.А. Мещерский узнал, что дворяне и дети боярские на службу сюда не явились, «и к Белой ему идти не с кем. А он, князь Иван лежит в Торопце болен, и государь бы о том велел указ учинити». Бояре указали И.А. Мещерскому «ехать к Москве, а под Белую ходити ему не велено»⁵³. Дальнейших сведений о нем пока не найдено.

Первым московским воеводой Порхова после Смуты был Игнатий Харитонович Харламов, который в трудное время переговоров в Столбово был воеводой в Тихвине⁵⁴. По-видимому, правительство доверяло такое ответственное назначение в возвращаемые крепости тем воеводам, которые уже зарекомендовали себя с положительной стороны. В Книгах разрядных приводится состав Порховского гарнизона в 1617 г.: «В Порхове Игнатий Харитонов сын Харламов; а с ним детей боярских Шелонской пятины 9 ч., стрельцов 50 ч., посадских людей 11 ч.»⁵⁵. Эти же сведения приводятся за следующие 1618–1620 гг.: «всего в Порхове всяких людей 70 ч.»⁵⁶.

Некоторое время после Игнатия Харламова в Порхове был воеводой Василий Клепик Федоров сын Бутурлин, которого вскоре, в 1619 г., отозвали в Москву. Следующим порховским воеводой стал известный деятель Смуты Матвей Шаврук Муравьев, участник посольства архимандрита Киприана в Москву в 1615 г.⁵⁷ Матвея Муравьева в 1621 г. сменил вновь Игнатий Харламов, после которого в крепости были воеводами Иван Аничков, Андрей Нащокин и Афанасий Дубровский⁵⁸.

Состав Порховского гарнизона за эти годы значительных изменений не претерпел. Так, за 1625 г. в книгах разрядных записано: «В Порхове дворян и детей боярских Шелонской пятины 12 ч., пушкарей и затинщиков и воротников 13 ч. с сотником стрельцов 49 ч.; и всего в Порхове всяких людей 75 ч». Аналогичные сведения содержатся в записях за 1626 и 1627 гг.⁵⁹. В дальнейшем этот состав длительное время так и оставался неизменным⁶⁰.

После бурных событий Смутного времени Порховская крепость постепенно утрачивает военное значение. С тех пор она ни разу больше не подвергалась осаде. События Смоленской войны 1632–1634 гг., а также войн России с Польшей и Швецией во второй половине XVII в. происходили далеко от Порхова. В конце XVII в. крепость находилась уже в довольно запущенном состоянии. Опись 1699 г. свидетельствует, что в Порхове были воевода, 50 стрельцов, пушкарь, 2 воротника и «посадских людей, которые в службе Великого князя написаны 190 человек», при общей сумме всяких чинов жителей 444 человека. В это время на трех башнях (Псковской, Средней и Никольской) находилось три медные пушки (по одной в каждой башне), крепость имела также 27 пищалей⁶¹. Сохранилось описание небольшого подземного хода, служившего для водоснабжения крепости. Вывод был неутешительный: «И ныне тот тайник стоит

порухився, и в осадное время водою прожить немочно. А в городе Порхове колодезей, oprичь того тайника, нет никакого»⁶².

В 1766 г. Порховскую крепость собирались даже совсем разобрать. Но, к счастью, ограничились только устранением тех деталей, которые могли обрушиться, поэтому значительная часть оборонительных сооружений Порхова сохранилась.

Герб Порхова был утвержден в 1781 г. В верхней половине щита был изображен барс (герб Пскова), в нижней части – древний, много претерпевший от осад замок, начинающий возобновляться. Одна из башен замка показана в окружении строительных лесов. Однако изображение на гербе не соответствовало реальному положению дел. Именно в XVIII в. происходили наибольшие разрушения Порховской крепости, а в XIX в. она продолжала медленно разрушаться.

Хочется надеяться, что приведенные здесь сведения откроют для многих интересующихся героическим прошлым родного края и страны в целом новую страницу в истории этого древнего русского города, возбудят интерес к событиям Смуты в данном регионе у местных краеведов, помогут привлечь новые потоки туристов в этот небольшой районный центр Псковской области. Ведь до настоящего времени история Порховской крепости во времена Смуты начала XVII в. остается тайной для исследователей. При внимательном изучении источников выясняются новые причины восстания в Порхове против шведов в 1613 г. Многие даже не догадываются о той роли, которую играла в Смутное время, в период противостояния Пскова и Новгорода, Порховская крепость, самая древняя из сохранившихся каменных крепостей Руси.

Примечания

- ¹ Договорная запись стольника и воеводы Семена Головина и дьяка Сыдавного Зиновьева с шведскими послами об уступке Швеции города Корелы с уездом (секретная часть Выборгского договора). Выборг, конец февраля 1609 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (далее – АИ). СПб., 1841. Т. II, № 160. ; Копия с договору о помощи шведской, учиненного в Выборге в 1609 году, чрез стольника и воеводу Семена Головина с товарищи с российской стороны // *Шафиров П.П.* Рассуждение, какие законные причины Петр Великий... к начатию войны против Карола XII Шведского 1700 года имел... СПб., 1722. С. 92–101. (1-е изд.–1717 г.); См. также: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Т. IV (Пруссия, Франция, Швеция). М., 1902. С. 139–141.
- ² См.: *Тюменцев И.О.* Смута в России в начале XVII столетия: Движение Дмитрия II. Волгоград, 1999.
- ³ См.: *Новый летописец* // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) Т. 14, Первая половина. СПб., 1910. О Клушинской битве сохранился ряд польских источ-

- ников: С. Жолкевский (1871), Н. Мархоцкий (2000), «Дневник Й. Будилы» (1872) и др. Ценные сведения о битве содержатся также в сочинении английского наемника Генри Бреретона (2002), шведского дипломата П. Петрея (1997) и др. См. также: Коваленко Г.М. Клушинское сражение 1610 г. Великий Новгород, 2007.
- ⁴ См.: *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях. СПб., 1894. Т. II. С. 83. Шведский король писал: «... как скоро он (Делагарди) заметит, что русские замедляют выполнением договора и не выдадут шведам Кексгольма, или что поляки одерживают верх в войне с русскими, то ему нужно всего ревностнее стараться об удержании Новгорода в своей власти – приятно ли то русским, или нет».
- ⁵ См.: *Замятин Г.А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1601–1616). Юрьев, 1913; См. также: *Замятин Г.А.* «Новый Летописец» о сношениях между Ярославлем и Новгородом в 1612 г. // Журн. Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1914. Т. 50, № 3.
- ⁶ ПСРЛ. Т. 14. С. 116. Гл. 282. О взятии градов от Немца.
- ⁷ См.: Договор Новгородского государства с Делагарди 1611 г. / Пер. с нем. М.Ф. Ласковской // Сб. Новгород. об-ва любителей древности (НОЛД). Вып. V. Новгород, 1911. Документ № 1. Новгородцы при этом действовали в соответствии с приговором подмосковного ополчения Ляпунова от 23 июня 1611 г., они заявили себя представителями не только Новгорода, но и всей России. Также следует учесть, что среди подписавших договор с Делагарди были и представители Подмосковного ополчения, оставшиеся в Новгороде после захвата его шведами. Не следует забывать, что у новгородцев уже имелся опыт совместных боевых действий со шведскими наемниками против тушинцев в период похода Скопина-Шуйского к Москве.
- ⁸ См.: *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005. С. 166.
- ⁹ См.: *Замятин Г.А.* Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII в. Рукопись. // Древнехранилище Псковского гос. объединенного ист. архит. и худ. музея-заповедника (ПГОИАХМЗ). № 1205. Л. 45–55.
- ¹⁰ О восстании в Порхове см.: *Рабинович Я.Н.* «Псковское товарное дело» и восстание в Порхове против шведов в 1613 г. (в печати). См. также: *Якубов К.* Русские рукописи Стокгольмского государственного архива // Чтения в обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). 1890. Кн. 1. С. 11–16. Несмотря на запреты оккупационных властей, между Порховом и «мятежным Псковом» в 1612 г. происходили тайные торговые операции. Узнав об этом, власти конфисковали товары псковичей и порховчан. Склад этих товаров находился внутри Порховской крепости. Восстание в Порхове против шведов и попытка псковичей захватить Порховскую крепость в какой-то степени были вызваны стремлением вернуть конфискованные товары, которые летом 1613 г. продолжали находиться внутри крепости под охраной шведского гарнизона.
- ¹¹ Грамота получена в Москве 4 декабря 1614 г., подверглась обсуждению на заседании Боярской Думы 18-го декабря 1614 г. См.: *Замятин Г.А.* «Псковское сиденье»: героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г. // Ист. записки (ИЗ). 1952. Т. 40, С. 186
- ¹² 14-го декабря 1614 г. Э. Горн сделал письменное предложение по этому вопросу новгородцам. См.: *Замятин Г.А.* «Псковское сиденье» ... С. 187.
- ¹³ 23 января 1615 г. это посольство из Новгорода архимандрита Киприана достигло Осташкова. Подробно об этом посольстве см.: *Фигаровский В.А.* О грамоте новгородского правительства в Москву 1615 г. // Новгород. ист. сб. (НИС). Л., 1937. Вып. II.
- ¹⁴ См.: *Замятин Г.А.* «Псковское сиденье» ... С. 187.
- ¹⁵ И.А. Мещерский писал в Новгород: «... да тот же, государи, лен и пенька иное давали во Псков лазутчикам, которых посылали для вестей во Псков немецкие воеводы, чтобы им с чем было приехать в город». (*Якубов К.* Русские рукописи Стокгольмского Государственного архива // ЧОИДР. 1890. Кн. первая. М. 1890. С. 30. Прилож. к описанию столбцов № 9).
- ¹⁶ Матвей Евреев пришел в Псков 31-го декабря 1614 г. и сказал воеводам: «Ивер Горну с (немецкими) людьми однолично быти подо Псков вскоре, и запасы ... в Порхове про него пасли». (*Замятин Г.А.* «Псковское сиденье» ... С. 210. Прилож. № 1. Отписка в Разрядный приказ псковских воевод И. Хованского, Ф. Бутурлина, В. Кокушкина с вестями о неприязненных действиях шведов у Пскова. 1615 г. Февраль.).
- ¹⁷ Степан Воронов, пришедший 18-го января 1615 г. в Псков, сообщил со слов приезжавшего 17-го января 1615 г. из Порхова на Дубовно Федьки Прокудина, что «ис Порхова немецкой воевода Ивер Горн да князь Иван Мещерской с немецкими и с литовскими людьми идут на осад подо Псков генваря в ... (число не разобрано) а с ним немецких людей идет четыре тысячи опричь литовских людей и черкас, а те литовские люди и черкасы пришли в Порхов из Старые Русы, а ко Пскову приступати им с трех сторон с пикардами и с лестницами; а будет ... приступом надо Псковом промысл их немецких людей не учинитца, и им стояти подо Псковом до весны и вымаривати голодом, а запасы за ними из Нова города и ис Порхова везут». (*Замятин Г.А.* «Псковское сиденье»... С. 210. Прилож. № 1).
- ¹⁸ В распросе Брезнинский сказал: «Пришли из Порхова на Промешицу ото Пскова за три версты немецкой воеводка Каптемир (генерал-вахтмейстер Robert Moor или Роберт Мюр, которого русские называли «капитан Мир»), да Павел Готберь (полковник-лейтенант Paul Gottberg или Пауль Готтберг), а с ними пришло немецких людей конных четьыреста да пеших немец солдат семь сот человек да тотар тритцат человек, а дожидаются де пинард; а как де ... пинарды к ним привезут, и немецким де людям с пинардами приступать ко Пскову; и будет де пинардами промысл их надо Псковом не учинитца, и им де, немецким людям стоять меж Пскова и Изборска, а ждать ... им из Иваня города прибыльных немецких людей с нарядом». По рассказу Брезнинского, в шанце у Пскова скопилось всего (конницы и пехоты) 1430 человек. (*Замятин Г.А.* «Псковское сиденье» ... С. 187, 211. Прилож. № 1).
- ¹⁹ Со слов Якова Епанчина, «как он приехал в Порхов, и Ивер Горна в Порхове не застал, и был он в Порхове

- день, и из Порхова воевода немецкой с теми ж немцы, которые его из Русы провожали, отпустили (его) в Новгород». (Возвратный в Москву приезд посланного в Новгород дворянина Якова Епанчина с грамотой от бояр к шведскому воеводе Эверту Горну о размене пленных, тут же и ответ на эту грамоту о назначении съезда для прекращения войны. 1615 января 12 – февраля 14 // *Лыжин Н.П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествующие. СПб., 1857. Прилож. № 13. С. 179–186).
- ²⁰ Яков Епанчин сообщал: «...как де Ивер Горн пошел подо Псков, а хотели де мужики псковские государю изменить десять человек, что было Ивер Горну приттить подо Псков, а им было под стену подкатить зелье, и Ивер де Горн подо Псков не подоспел; а мужики де зелье под стену подкатили, и стену разорвало, и тех де мужиков во Пскове переимали, и тое стену опять заделали; а Ивер де Горн после того подо Псков пришел, и его де побили. А сказывал ему Гаврило Шаблыкин, да Иван Иванов сын Овцын, да Иван Коситцкой. А как де Ивер Горна подо Псковом побили, и в те де поры взяли у него 25 человек салдатов». (*Лыжин Н.П.* Указ. соч. С. 181).
- ²¹ *Замятин Г.А.* Борьба за Псков... Л. 102.
- ²² Оставшиеся под Псковом шведские части Роберта Мюра 25-го января 1615 г. сожгли вокруг крепости монастыри и посады, а затем отошли за 12 верст и стали между Псковом, Изборском и Печерским монастырем с целью отрезать подвоз продовольствия из Лифляндии. См.: *Замятин Г.А.* «Псковское сиденье» ... С. 187.
- ²³ *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны / Пер. С.А. Аннинского, А.М. Александрова; Под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич. М., 2000. С. 341. «В Новгороде в это время распространилась тяжелая болезнь (30–50 чел. ежедневно умирало). Среди конницы – тоже (многие рейтары умерли). В пехоте, которая зимовала в Старой Руссе, Порхове, Тесове... все обстояло хорошо».
- ²⁴ См.: *Замятин Г.А.* «Псковское сиденье» ... С. 210.
- ²⁵ См.: Лист канцлера Оксеншерны шведским комиссарам. (Прилож. к Королевской Инструкции). 15.11.1615 г. // Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 5. № 28. С. 87.
- ²⁶ См.: Журнал нидерландских посланников Рейнгоута ван Бредероде, Дидериха Басса и Альберта Иоакими об их посольстве в Швецию и Россию в 1615 и 1616 годах. Представлен 17 октября 1616 г. // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991.
- ²⁷ «Трудно было также достать лошадей для посла и свиты, еще труднее – повозки или телеги для провизии и поклажи, которые были отданы на руки князю Ивану Никитичу Мещерскому, соградоначальнику Порхова, и им распределены по телегам разных других князей и бояр, отправившихся с голландцами. Их вместе с прислугой было до 150 чел. Кроме них отправилось 5 конных взводов и 3 роты пехоты, частью в качестве конвоя, потому что дороги были очень опасны из-за казаков и шишей (эти последние – суть крестьяне, скитающиеся в лесах, грабящие и убивающие проезжих), а частью потому, что им следовало отправиться на зим-
ние квартиры». (Журнал нидерландских посланников ... С. 221)
- ²⁸ Впервые на действия партизан в Порховском уезде обратил внимание В.А. Фигаровский. Он использовал более раннее и более подробное издание Журнала нидерландских посланников. См.: *Фигаровский В.А.* Партизанское движение во время шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. / НИС. Новгород, 1939. Вып. VI. С. 48.
- ²⁹ «Князь Иван Никитич Мещерский прислал через своего сына 3 бутылки водки и 2 корзины – одну с белым и другую с ситным хлебом». (Журнал нидерландских посланников С. 222)
- ³⁰ «Когда я дал ему визит, то при приходе и уходе моем он дал мне случай увидеть свою хозяйку и поговорить с ней; это у русских считается за самую большую честь, которую они могут оказать друзьям своим». (Там же. С. 222).
- ³¹ «Из конвоя, пришедшего с нами из лагеря (из Пскова. – Я.Р.), пошло далее не более одной полуроты рейтаров, из них 40 человек оставили нас в 2 милях от Порхова». Хотя, кроме конвоя, вместе с послом находилась большая свита. (Там же).
- ³² «На этой неделе шиши захватили в этой местности 4 рейтаров, посланных военачальником с письмами. Они связали им руки за спину, отрубили им головы. Затем двое слуг бросили жребий, кто из них отрубит голову другому». (Там же).
- ³³ Сб. НОЛД. Вып. V, № 28. С. 87.
- ³⁴ Подробно ход переговоров в Дедерино и Столбово разобран в трудах Н.П. Лыжина и С.М. Соловьева. См.: *Лыжин Н.П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествующие. С приложением актов. СПб., 1857; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения: В 18 кн. Кн. V. Т. 9–10. М., 1995 (также – другие издания).
- ³⁵ Отношение Псковских воевод Ивана Дмитриевича Плещеева и Сергея Степановича Собакина, а равно дьяка Четы Оботурова к Порховскому коменданту Геннингу Грассу. Псков. 1616 г. (после 19 апреля) // *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1896. Документ № 6. С. 28–30.
- ³⁶ *Саблер Г.* Указ. соч. С. 29.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Псковичи рассказывали боярам: «... а изо Гдова и из Порхова немецкие державцы писали во Псков к гостям и ко всегородным старостам и к посадским людем, чтоб изо Пскова ратные люди не ходили на Порховские и на Гдовские места, а из Порхова и изо Гдова немецкие люди не станут приходить на псковские места. И изо Пскова гости и всякие люди писали к ним, что псковские ратные люди на Порховские и на Гдовские места ходити не станут...» (*Замятин Г.А.* Борьба за Псков ... Л. 204–206).
- ³⁹ См.: *Замятин Г.А.* Борьба за Псков... Л. 206.
- ⁴⁰ Подробно об этом походе см.: Там же. Л. 180–230.
- ⁴¹ См.: Донесение священников, старост и волостных людей Новгородских погостов к графу Якову Делагарди

1617. Март. Около Новгорода // *Саблер Г.* Собрание русских памятников... Документ № 10. С. 37–40.
- ⁴² «А больше того у нас воевода денег и хлеба не имывал, насильства и грабежу никакого над нами не делывал, без пени никого в тюрьму не саживал и не мучивал, и куниц и лисиц не имывал, и денег никаких на себя не правливал, и пашни на него не пахивали, и дела никакова не делывали, опроч дворового дела, что на него в Порхове двор поставили. А немецким людям солдатам также воевода вольности и насильства никакова делати не давал, и в деревни наши немецким людям ходити не велел, делал нам все добро, и от сторон нас от казакон и шишов оберегал» (*Саблер Г.* Указ. соч. № 10. С. 37–40).
- ⁴³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 96. Сношения со Швецией. Оп. 1. 1616. Д. 11. Л. 28. Впервые на данный документ обратил внимание В.А. Фигаровский. См.: *Фигаровский В.А.* Партизанское движение во время шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. // ИИС. Новгород, 1939. Вып. VI. С. 48.
- ⁴⁴ См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1; *Лыжин Н.П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествующие. С приложением актов. СПб., 1857; *Видекин Ю.* Указ. соч. С. 434–435. Впервые вопросы, связанные с передачей русской стороне крепостей, захваченных шведами в Смутное время, были рассмотрены в трудах Н.П. Лыжина и С.М. Соловьева. См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения: В 18 кн. Кн. V. Т. 9–10. М., 1995 (также – другие издания).
- ⁴⁵ *Видекин Ю.* Указ. соч. С. 438: «Ст. 5. Через 14 дней... наместники и войсковые начальники (шведы) должны встретиться с (русскими лицами), которых Михаил назначает в города воеводами и произвести в присутствии Мерики или гофбюнкера, посланного Мериком, передачу и прием крепостей: ...Порхова с областью...».
- ⁴⁶ Там же. С. 451.
- ⁴⁷ Там же. С. 438.
- ⁴⁸ Мезецкий с товарищами в мае 1617 г. будут требовать от шведов возвращения ряда захваченных пушек и колоколов. См.: Отношение подписавшихся с русской стороны на Столбовском договоре комиссаров к графу Якову Делагарди и шв. фельдмаршалу барону Карлу Гюлленгейму. Новгород. 1617 г., 23 мая // *Саблер Г.* Собрание русских памятников... Документ № 12. С. 55.
- ⁴⁹ «А ныне писали к нам, великим послам, царского величества их городов из Ладоги и из Порхова приказные люди, что после договору, ...из Порхова сослал воевода Геникграс в Свею в декабре месяце два колокола Михайловского погоста с полоном, вымуча на дворцовом крестьянине на Нестерке, да з города с стены два колокола, да в генваре месяце сослал в Свею ж две пушечки полковых». (*Саблер Г.* Указ. соч. С. 55).
- ⁵⁰ См.: *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 57.
- ⁵¹ *Козляков В.Н.* Михаил Федорович. М., 2004. С. 84–85. Подробный текст двух грамот Михаила Федоровича к новгородцам привел С.М. Соловьев. Первую грамоту прислали великие послы 5 марта, а вторую Мезецкий зачитал новгородцам по прибытию в Новгород 14 марта. См.: *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 92–94. Актуально звучат слова царя Михаила Федоровича Романова о всепрощении: «А которые люди, будучи у свейских людей, им доброхотали и служили, и во всем были им покорны, и волю их творили волею и неволею, и тех по нашему царскому милостивому нраву жаловать хотим, никто бы ничего от нас не опасался; как было, будучи у свейских людей в руках, воли их не творить?». Первая грамота была опубликована в Собрании государственных грамот и договоров (СГД). Т. III. СПб., 1822. № 34, а вторая – в АИ. Т. III. СПб., 1841. № 284.
- ⁵² Псковские летописи. М., 1837. С. 234.
- ⁵³ Книги разрядные. Т. 1. СПб., 1853. Стб., 444–448.
- ⁵⁴ Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Стб. 237: «На Тихвине воеводы Василий Федоров сын Неплюев да Иван Иванов сын Баклановский, и Василия и Ивана велено отпустить, а на их место велено быть Игнатию Харламову». См. также: Книги разрядные. Т. 1. Стб. 178.
- ⁵⁵ Книги разрядные. Т. 1. СПб., 1853. Стб. 390.
- ⁵⁶ Книги разрядные. Т. 1. Стб. 522.
- ⁵⁷ Книги разрядные. Т. 1. 1619 г. Стб. 641: «В Порхове воевода Василий Клепик Федоров сын Бутурлин, и Василью велено быти к Москве, на его место велено быти Матвеем Муравьеву; а с Матвеем ...» (Цифры 9, 50, 11 – аналогично предыдущим годам).
- ⁵⁸ Книги разрядные. Т. 1. 1620 г. Стб. 716: «В Порхове Матвей Шавруков сын Муравьев». 1621 г. Стб. 762: «В Порхове Игнатий Харитонов сын Харламов». 1622 г. Стб. 865: «В Порхове Игнатий Харитонов сын Харламов». 1623 г. Стб. 923: «В Порхове Иван Михайлов сын Оничков». 1624 г. Стб. 1031: «В Порхове Иван Михайлов сын Оничков, а Ивану Оничкову велено быть с городом, а в Порхове велено быть Ондрею Иванову сыну Нащокину».
- ⁵⁹ Книги разрядные. Т. 1. 1625 г. Стб., 1135.
- ⁶⁰ В 1647–48 гг. количество служилых людей в Порхове определялось: 50 стрельцов с сотником, пушкарей 2 человека, да воротников 2; в съезжей избе – подъячий и сторож. См.: *Лебедев Е.Е.* Город Порхов и его окрестности. Новгород, 1915. Прилож. № 4.
- ⁶¹ См.: *Лебедев Е.Е.* Указ. соч. Прилож. № 5
- ⁶² «В городе Порхове под городовую стену в Шелонь реку тайник каменный; тот тайник горазно осыпался и водою скуден горазно. И которые в тайник были трубы из колодезя в Шелонь реку, и те трубы засegli» (*Лебедев Е.Е.* Указ. соч. Прилож. № 5. С. 5).

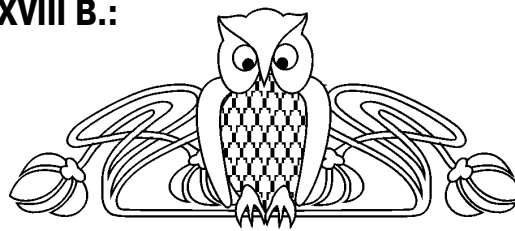

УДК 9(470 «1792/1794»)

ВОЕННЫЙ ПОСТОЙ В ПОВОЛЖЬЕ В КОНЦЕ XVIII В.: РОСТОВСКИЙ КАРАБИНЕРНЫЙ ПОЛК В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1792–1794 гг.)

И.Н. Плешаков

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: histrus@sgu.ru

Проблемы квартирования военных частей в российской провинции XVIII в. до сих пор не получили достаточного освещения в работах историков. В статье рассказывается о постое в Саратовской губернии в 1792 – 1794 гг. Ростовского карабинерного полка. Статья основана на документах Российского государственного военно-исторического архива и Государственного архива Саратовской области, а также свидетельства современников и очевидцев. В статье содержится малоизвестная биографическая информация, рассматриваются проблемы взаимоотношений военных с местными властями и населением, раскрывается большая роль армии в общественной, экономической и культурной жизни региона. Квартирование военных частей сопровождали многочисленные факты коррупции и финансовых злоупотреблений со стороны офицеров и местных чиновников.

Ключевые слова: Русская армия, квартирование воинских частей, Саратов.

**Quartering in the Volga Region in the end of XVIII Century.
Rostov Mounted Regiment in Saratov Region (1792–1794)**

I.N. Pleshakov

The problem of of militaries in Russian provinces. is not widely examined in historical works. The article deals with the problem of temporary living of Rostov dire guards in the Saratov region in 1792 – 1794. This article is basis on the Russian state military historical archives of the Saratov region. The evidences of the contemporaries and witnesses play important rule.

There is a lot of unknown biographical information about officers of the Rostov dire guards. There variable sources allow us to examine the relations between the military and local authorities and the peoples in details. The article depicts the great role of the army in the political, social and cultural life of the region.

Key words: Russian army, military quartering, Saratov.

С давних пор в отечественной историографии утвердился односторонний взгляд на военную историю, прежде всего как на историю войн. В подобной трактовке есть ощутимый изъян: она совершенно не учитывает, что армия всегда представляла нечто большее, чем простое скопление людей, обученных убивать. За рамками военно-исторических исследований неизменно остаётся обыденное существование воинских частей в мирный период, проблемы поста, вопросы взаимоотношений с гражданским населением, региональными властями и т. п. Между тем именно это состояние «обязательной и безупречной праздности», как его определил Л. Н. Толстой,

составляло основное содержание повседневной жизни вооружённых сил Российской империи. В данной статье предпринята попытка комплексного рассмотрения заявленной проблемы на примере квартирования на Волге в конце XVIII в. одного из конных полков Русской армии.

В середине октября 1792 г. в Саратове было получено известие о назначении на постой в губернию следующего с Кавказа Ростовского карабинерного полка со штатной численностью в 1106 военнослужащих¹. Эти «покирасиренные драгуны», как их метко назвал А. А. Керсновский, отличались от привычных драгун (зачастую, лишь на бумаге) более рослыми лошадьми и тяжёлыми палашами². Как и драгуны, карабинеры должны были успешно действовать как в конном, так и в пешем строю³.

Более шести лет в Саратове не стояла ни одна воинская часть и после получения известия об идущем сюда полке в городе закипела работа. 19 октября, по словесному приказанию вице-губернатора Т. А. Ярославова и сообщению магистрата, в городской думе было заведено особое дело «О приготовлении квартир и починке конюшен для карабинерного полка, следующего в Саратов». Ещё в начале XX в. в составленной одним из членов учёной архивной комиссии описи материалов архива думы это интересное дело числилось под № 47⁴. К сожалению, в последующие годы оно было утрачено. Частично восполнить потерю позволяет реконструкция его содержания по другим документам городской думы и магистрата.

Ростовский карабинерный полк следовал к Саратову с Моздокской линии через калмыцкие степи. В Царицыне командование над вторым эскадроном принял перешедший из Астраханского драгунского полка и официально к новой части ещё не причисленный ротмистр Александр Семёнович Пишчевич⁵. Благодаря оставленным им обширным запискам у нас есть уникальная возможность взглянуть на жизнь полка глазами его офицера. Жизнь эта, «очень беспокойная от частых передвижений, бивуачная, крайне беспорядочная и вместе скучная»⁶, преображалась в те периоды, когда часть прибывала на квартирование во внутреннюю губернию. В 1792 г. автору воспоминаний, родившемуся 31 мая 1764 г., исполнилось 28 лет. Его отец, сербский дворянин